

Семья в творчестве Михаила Нестерова

ОЛЬГА ИВАНОВА

ЕСТЬ ХУДОЖНИКИ, ЧЬЕ ТВОРЧЕСТВО МОЖНО АНАЛИЗИРОВАТЬ, НЕ КАСАЯСЬ ДЕТАЛЕЙ ЛИЧНОЙ БИОГРАФИИ И УМАЛЧИВАЯ О БЛИЗКИХ. ЕСТЬ ДРУГИЕ ХУДОЖНИКИ, ПРОИЗВЕДЕНИЯ КОТОРЫХ СВЯЗАНЫ С СЕМЬЕЙ ТАК ТЕСНО, ЧТО ЭТО НЕОБХОДИМО УЧИТЫВАТЬ И ПРИ АНАЛИЗЕ ИХ ТВОРЧЕСТВА. К ПОСЛЕДНИМ, БЕЗ СОМНЕНИЯ, ОТНОСИТСЯ ХУДОЖНИК МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ НЕСТЕРОВ. В ЭТОЙ СТАТЬЕ, ВКЛЮЧАЮЩЕЙ ПУБЛИКАЦИЮ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ПИСЕМ, ФОТОГРАФИЙ, МЫ ПОСТАРАЕМСЯ НАМЕТИТЬ СВЯЗЬ МЕЖДУ ТВОРЧЕСТВОМ НЕСТЕРОВА И ЕГО РОДНЫМИ, В ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПОТОМКАМИ, НА ЖИЗНЬ КОТОРЫХ ЛИЧНОСТЬ ХУДОЖНИКА НАЛОЖИЛА БОЛЬШОЙ ОТПЕЧАТОК.

ПИСЬМА ПОМОГУТ УВИДЕТЬ НАМ ТО, ЧТО ТРАДИЦИОННО СКРЫТО ОТ ГЛАЗ ЗРИТЕЛЯ, ТЕ РАЗЛИЧНЫЕ РОЛИ, КОТОРЫЕ ИГРАЕТ В ЖИЗНИ ХУДОЖНИКА ЕГО СЕМЬЯ. ОСОБО СЛЕДУЕТ ПОДЧЕРКНУТЬ, ЧТО ЧЛЕНЫ СЕМЬИ НЕСТЕРОВА ЧАСТО ВДОХНОВЛЯЛИ ЕГО НА СОЗДАНИЕ КАРТИН ИЛИ СЛУЖИЛИ ПРООБРАЗАМИ ДЛЯ ГЕРОЕВ КРУПНЫХ ПОЛОТЕН И ДАЖЕ РОСПИСЕЙ ХРАМОВ. ЭТО, БЕЗ СОМНЕНИЯ, БЫЛО ОЧЕНЬ ВАЖНО ДЛЯ ХУДОЖНИКА, КОТОРЫЙ СЧИТАЛ: «...ЕСТЬ ЛИЦО, ЕСТЬ И КАРТИНА. НЕТ ЕГО, НЕТ НУЖНОГО МНЕ ВЫРАЖЕНИЯ <...> И НЕТ КАРТИНЫ... МНЕ, КАК СЕРОВУ, НУЖНА БЫЛА ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДУША ЧЕЛОВЕКА».

НЕКОТОРЫЕ ИЗ ПИСЕМ, ПРИВОДИМЫХ НИЖЕ, ПУБЛИКОВАЛИСЬ В РАЗЛИЧНЫХ ИЗДАНИЯХ, НО ДЛЯ ЭТОЙ ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТЫ ПИСЕМ БЫЛИ УТОЧНЕННЫ.

◀ ПОРТРЕТ Е.П. НЕСТЕРОВОЙ. 1905
ХОЛСТ, МАСЛО. 142,5 x 107,8
ГТГ

◀ PORTRAIT OF YEKATERINA
NESTEROVA. 1905
OIL ON CANVAS. 142.5 x 107.8 cm
Tretyakov Gallery

ПОРТРЕТ В. И. НЕСТЕРОВА. 1877
ХОЛСТ НА КАРТОНЕ, МАСЛО
29 × 23,8
ГТГ

PORTRAIT OF VASILY NESTEROV. 1877
OIL ON CANVAS MOUNTED
ON CARDBOARD. 29 × 23.8 cm
Tretyakov Gallery

ПОРТРЕТ М. М. НЕСТЕРОВОЙ
КОНЕЦ 1870-х
ХОЛСТ НА КАРТОНЕ, МАСЛО
28,5 × 23,8
ГТГ

PORTRAIT OF MARIA NESTEROVA
LATE 1870s
OIL ON CANVAS MOUNTED
ON CARDBOARD. 28.5 × 23.8 cm
Tretyakov Gallery

31 (19) мая 1862 года в Уфе появился на свет мальчик, которому суждено было остаться в истории русского искусства под именем Михаила Васильевича Нестерова. Но тогда Миша, большой озорник, был так же далек от уважительного величия по имени-отчеству, как и от истории искусства: он был единственным сыном в купеческой семье, а потому – единственной надеждой своего отца на то, что семейное дело будет продолжено. Двенадцатилетнего Мишу родители отправили в московское реальное училище, где проявилось его увлечение рисованием, настолько сильное, что не укрылось и от

преподавателей. Именно по их совету отец Миши, Василий Иванович (1818–1904), разрешил сыну покинуть реальное училище и в 1876 году поступить в другое – Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

Принимая это решение, Василий Иванович шел на жертвы: он понимал, что продолжить семейное дело будет некому, и вскоре его закрыл. Однако он не просто отпустил сына в самостоятельное «плавание», а предупредил того, что признает в нем художника только тогда, когда его картину приобретет для своей галереи Павел Михайлович Третьяков. Это произошло в 1889 году, когда Третьяков купил у Нестерова «Пустынника». Спустя год для галереи была приобретена и картина «Видение отроку Варфоломею». Так Михаил Васильевич состоялся для своей семьи в качестве художника.

Отцу он до конца жизни остался благодарен за то, что тот пустил его «по избранной и излюбленной дороге» и дал средства на образование. Поддержка матери, Марии Михайловны (1823–1894), была иной, о ней он написал в своих воспоминаниях так: «Мне казалось, да и теперь кажется, что никто и никогда так не слушал меня и не понимал моих юношеских молодых мечтаний, опасений, планов, как она, хотя необразованная, но такая чуткая, жившая всецело мной и во мне – моя матушка». Лица родителей Нестеров запечатлел в начале 1880-х годов на своих еще ученических портретах, хранящихся теперь в Третьяковской галерее.

Письма художника к родителям и сестре охватывают конец 1880-х–1890-е годы, пору творческой молодости М.В. Нестерова, и часто напоминают дневниковые записи. По ним можно составить представление о том, какие события происходили в жизни Михаила Васильевича, узнать о его замыслах и планах. Он часто делился с близкими своими мыслями или просил их помощи, совета. В переписке нашло отражение одно из таких «семейных совещаний»: в 1897 году художник пишет родным о своем желании принести в дар Третьяковской галерее картины «Сергиевского цикла», спрашивает их мнения и готов не совершать этот поступок, если те не согласятся с ним. Но сестра и родители-купцы поддерживают его в решении принести Третьякову дар суммой в несколько тысяч, и благодаря этому картины теперь находятся в галерее.

РИСУНОК О. М. НЕСТЕРОВОЙ
НА НЕОКОНЧЕННОМ ПИСЬМЕ
[К ТЕТКЕ А. В. НЕСТЕРОВОЙ].
ОР ГТГ. Публикуется впервые

A DRAWING MADE BY OLGA
NESTEROVA ON AN UNFINISHED
LETTER [TO HER AUNT, ALEXANDRA
NESTEROVA].
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery. First publication

И все же влияние родителей на творчество Нестерова было опосредованным. Гораздо значительнее оказалось влияние его первой жены и возлюбленной, Марии Ивановны Мартыновской (1862–1886), с которой художник познакомился в родной Уфе летом 1883 года. Одну из первых встреч со своей будущей супругой Нестеров позже описал так: «Барышня шла, я подвигался вдали почти шагом. Долго путешествовали мы, и я заметил, что незнакомка догадалась, что всадник едет не сам по себе, а с какою-то целью, и стала за ним наблюдать в дырочку, что была у нее в зонтике...». Эту встречу художник запечатлел на рисунке, который так и назвал: «Первая встреча». Рисунок открывает целую серию изображений М.И. Мартыновской, больше того: сам женский образ, прежде отсутствовавший в рисунках, эскизах, этюдах и картинах художника, появляется в них именно этим летом.

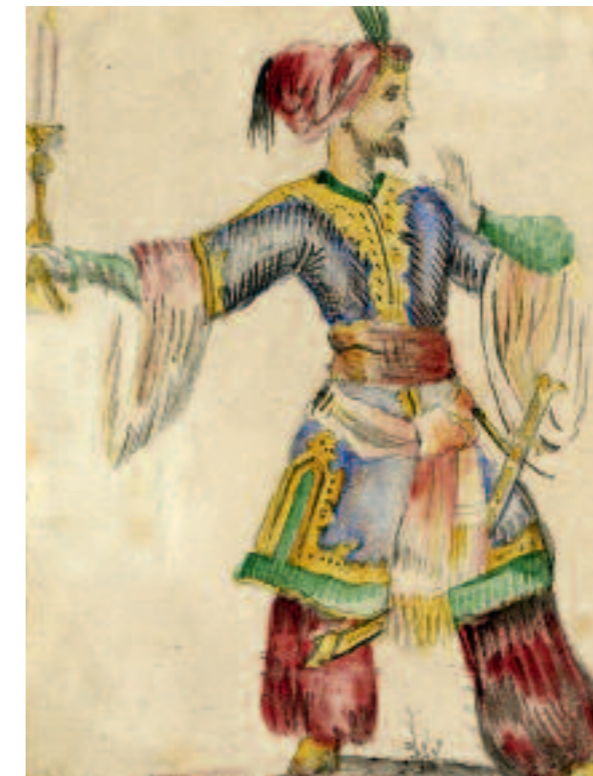
Осенью, после знакомства с Марией Ивановной, Нестеров вернулся в Москву, в училище. Следующая встреча влюбленных состоялась только следующим летом, а в перерывах между отъездами в Уфу Нестеров с возобновившимся упорством работал. В 1885 году он добился долгожданного звания «свободного художника», в том же году женился на Мартыновской.

Какой была первая супруга художника? «Красоты в обычном, трафаретном смысле в ней не было. Была лишь неуловимая прелесть, природная оригинальность <...> и удивительная женственность, так привлекавшая не только отца, но и всех знавших ее. Первый весенний цветок с его тонким ароматом», – пишет дочь М.И. Мартыновской и М.В. Нестерова – Ольга.

Появление на свет Ольги, старшей и любимой дочери Нестерова, стало для супругов большой радостью, но у Марии Ивановны после родов начались осложнения, и вскоре она ушла из жизни. Потрясенный художник излил свое горе в живописи: «Под впечатлением этого сладостно-горького чувства я много рисовал тогда, и образ покойной не оставлял меня: везде те черты, те особенности ее лица, выражения просились на память, выходили в рисунках, в набросках. <...> И она как бы была тогда со мной». Ее облик М.В. Нестеров запечатлел на посмертном портрете супруги в венчальном наряде (позже им уничтоженном), в картине

ДЕТСКИЙ РИСУНОК М. В. НЕСТЕРОВА
КАРАНДАШ, АКВАРЕЛЬ. 8 × 6.
НА ОБОРОТЕ ПОДПИСЬ РУКОЙ
М. В. НЕСТЕРОВА: «МОЙ РИСУНОК,
КОГДА МНЕ БЫЛО ЛЕТ 10». [1872]
ОР ГТГ. Публикуется впервые

A DRAWING MADE BY MIKHAIL
NESTEROV IN CHILDHOOD.
PENCIL AND WATERCOLOUR. 8 × 6 cm
ON THE REVERSE, AN INSCRIPTION
BY THE ARTIST: "MY DRAWING,
MADE WHEN I WAS 10". [1872]
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery. First publication

«Христова невеста». Как в рисунках Нестерова отразилось знакомство двух молодых людей, так и прощание с умирающей супругой было запечатлено им в акварели «Последнее воскресенье. 1 июня 1886 года».

«Любовь к Маше и потеря ее сделали меня художником, вложили в мое искусство недостающее содержание, и чувство, и живую душу, словом, все то, что позднее ценили и ценят люди в моем искусстве», – пишет Михаил Васильевич, высоко оценивая роль жены в его становлении как художника.

К сожалению, писем М.И. Мартыновской практически не сохранилось, а те немногие, что были переданы в Третьяковскую галерею старшей дочерью Ольгой, она просила не публиковать. Страницы же писем М.В. Нестерова к Ольге Михайловне отличаются особенной теплотой. По ним мы можем судить и об отношении Михаила Васильевича к ее матери. Одно из таких писем, публикуемое ниже, помогает уточнить дату смерти М.И. Мартыновской. Не прописанная четко в воспоминаниях художника дата ошибочно указывается многими исследователями как 29 мая. Но в своем письме к О.М. Нестеровой от 1 июня 1906 года Михаил Васильевич пишет о годовщине смерти матери, минувшей в тот день. На то, что датой смерти М.И. Мартыновской является 1 июня, указывает и название акварели, где художник запечатлел умирающую супругу, – «Последнее воскресенье. 1 июня 1886», а также то, что этот день, а не 29 мая, был в 1886 году воскресеньем (именно в воскресенье, как пишет М.В. Нестеров в «Воспоминаниях», умерла Мария Ивановна).

Свою старшую дочь, с которой была связана память М.В. Нестерова о горячо любимой жене, он изобразил не на одном портрете, но самым известным стал «Портрет О.М. Нестеровой» («Амазонка») 1906 года. Этот портрет написан между двумя опасными операциями, которые пришлось перенести Ольге, и связан со страхом художника потерять дочь, с желанием сохранить ее черты. Картиной восторгался друг М.В. Нестерова С.Н. Дурылин в письме к Ольге Михайловне: «Как «девушка с персиками» (В.С. Мамонтова) – это лучшая, прекраснейшая русская девушка 1880-х годов, так «девушка в амазонке» – Вы! – это лучшая, прекраснейшая русская девушка начала 1900-х годов. <...> как чудесно соединил он [М.В. Нестеров – О.И.] в Вашем портрете любовь свою к дочери с любовью своей к русской девушке». Этот портрет художник заслуженно считал одной из лучших своих работ.

Немногие знают, что Ольга Михайловна продолжила дело отца и стала художником. В Третьяковской галерее хранится любопытное письмо Михаила Васильевича к маленькой Оле, написанное печатными буквами. В нем он просит ее

НА РУСИ (ДУША НАРОДА). 1914–1916
ФРАГМЕНТ
ХОЛСТ, МАСЛО. 206,4 × 483,5
ГТГ

IN THE LAND OF RUSSIA
(THE SOUL OF THE PEOPLE). 1914–1916
DETAIL
OIL ON CANVAS. 206.4 × 483.5 cm
Tretyakov Gallery

сфотографировать для портрета и делает примерный набросок. Рядом с ним подпись: «Можно раскрасить» – и рисунок действительно раскрашен цветными карандашами. С таких детских «раскрасок» и «работ в соавторстве» начинала, вероятно, рисовать маленькая Оля. Она так и не получила художественного образования, зато особым швом, как золотшвейки XVI века, вышивала шелком на полотне работы, которые было невозможно отличить от акварели. Этому ее научила Лёля Прахова, друг семьи и – недолгое время – невеста М.В. Нестерова.

С Лёлей Праховой Михаил Васильевич познакомился после того, как в 1890 году получил предложение участвовать в росписи Владимирского собора в Киеве и переехал туда на постоянное место жительства. Там он сблизился с семьей Адриана Викторовича Прахова, руководившего работами в соборе, а дочь А.В. Прахова – Елена Адриановна Прахова (1871–1948), или, как ее называли, Лёля – стала близким другом. Художник находил ее талантливой, необычайно чистой и доброй и выбрал ее в качестве модели для образа святой Варвары в соборе. Но в результате сходство святой и Лёли оказалось так велико, что одна из высокопоставленных киевских дам заявила: «Не могу же я молиться на Лёлю Прахову!». От Нестерова

А.М. НЕСТЕРОВ ПОЗИРУЕТ ДЛЯ
КАРТИНЫ «НА РУСИ»
ФОТОГРАФИЯ. 1914
ОР ГТГ

ALEXEI NESTEROV POSES FOR THE
COMPOSITION "IN THE LAND OF RUSSIA".
PHOTO. 1914
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery

потребовали переписать образ, и ему пришлось изменить позу и лицо святой.

Лёля Прахова, по убеждению художника, была человеком, хорошо понимавшим его: «Ты область моей души или духа, которая и была источником моего творчества, «Варфоломея», «Димитрия-царевича» и других моих картин, тот уголок моей природы, моей творческой души знали очень немногие – двое, трое. Знала о ней покойная мать, догадывалась Лёля Прахова...». В 1899 году, «после десятилетней дружбы», М.В. Нестеров сделал Е.А. Праховой предложение. Оно было принято, но вскоре помолвка расстроилась, что не помешало художнику и Елене Адриановне на всю жизнь сохранить дружеские отношения. А в одном из публикуемых ниже писем Михаила Васильевича к дочери О.М. Нестеровой, написанном спустя 14 лет после разрыва помолвки, художник вновь вспоминает Лёлю, и в этих строках перед нами не друг художника, а его бывшая муза.

Новой возлюбленной М.В. Нестерова и матерью его средней дочери, Веры, стала учительница Юлия Николаевна Урусман (1877–1962). Воплощение в живописи художника именно ее черт позже назовут «нестеровской женщиной»: точное одухотворенное лицо, огромные печальные глаза, в которых отражаются глу-

бокие внутренние переживания... Юлия Николаевна стала героиней таких картин Нестерова, как «Думы», «За Волгой», «Родина Аксакова», «Воскрешение Лазаря». Позировала для росписей в Марфо-Мариинской обители, угадывается ее образ и в росписях Нестерова в Абастумани. В картине «Страстная седмица» фигура женщины, держащей в руках голубой гробик (гробы этого цвета предназначались для младенцев мужского пола), вероятно, также связана с Ю.Н. Урусман и их общим сыном Федей, умершим при рождении в 1902 году.

Дочь М.В. Нестерова и Ю.Н. Урусман, Вера Михайловна, также изображена на нескольких портретах. Нестеров жаловался дочери, что ему «не даются» ее черты, он был не вполне доволен ее портретами, и только о графическом изображении Веры Михайловны 1918 года говорил: «...не хуже, чем писал Валентин Серов».

Хотя Юлия Николаевна и Михаил Васильевич сохраняли дружбу всю жизнь, письма М.В. Нестерова к Ю.Н. Урусман малоизвестны. Зато сохранилось много писем художника к Вере Михайловне, по которым можно составить представление о жизни художника в 1920–1930 годах. Эти письма опубликованы в 2012 году внучкой М.В. Нестерова, дочерью Веры Михайловны – Марией

Ивановной Титовой. С позволения Марии Ивановны мы публикуем здесь одно из этих писем, в котором Михаил Васильевич предстает не как художник, а как заботливый, но строгий отец и дед, а также остроумный человек, блестяще владеющий пером.

В 1902 году Михаил Васильевич женился снова, на Екатерине Петровне Васильевой (1879–1955), «классной даме» из киевского института, где училась старшая дочь М.В. Нестерова – Ольга. Знакомство с Екатериной Петровной художник описывает в одном из писем к А.А. Турыгину: «Раз, недели три тому, я узнал, что ко мне собирается, просит разрешения посмотреть картину одна классная дама института, мною не виденная ранее, – молодая, красивая, любимица гр. Коновницыной и прочее. Я дал свое согласие... и вот теперь эта девушка страстно, до самозабвения полюбила меня – а я влюбился, как мальчишка, в нее. Она действительно прекрасна, высока, изящна, очень умна и по общим отзывам дивный, надежный, самоотверженный человек».

Вторая супруга художника была верной спутницей на протяжении 40 лет, до самой его смерти. Михаил Васильевич ценил в ней «необычное, сердечное и умное внимание к его искусству», то, что она «любит все, что ему самому дорого», а в своей переписке он часто упоминает о бытовых заботах, которые брала на себя Екатерина Петровна. «Жена у плиты, варит, жарит, штопает разный хлам – я пишу-пишу», – сообщает он своему другу А.А. Турыгину.

Портрет Екатерины Петровны, созданный художником в 1905 году на их киевской квартире, стал первым портретом Нестерова, который он признал художественным произведением, достойным появиться на выставке. Сколько грусти, тоски и разочарования, разлада с внешним миром содержат в себе его ранние женские образы, столько душевного спокойствия и гармонии, радостного, но тихого любования миром заключено в этом портрете. Позже художник создал еще много портретов своей супруги, она позировала ему для иконы и росписей в Марфо-Мариинской обители (так, с нее создан образ Марии, прислушивающейся к словам Христа).

Е.П. НЕСТЕРОВА С ДЕТЬМИ АЛЕКСЕЕМ И НАТАЛЬЕЙ. 1908 КИЕВ. ФОТОГРАФИЯ ОР ГТГ

YEKATERINA NESTEROVA WITH HER CHILDREN, NATALYA AND ALEXEI KIEV. 1908. PHOTO Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery

ХРИСТОС У МАРФЫ И МАРИИ (ФРАГМЕНТ). 1918 АВТОРСКОЕ ПОВТОРЕНИЕ РОСПИСИ СЕВЕРНОЙ СТЕНЫ ЦЕРКВИ ПОКРОВА БОГОРОДИЦЫ МАРФО-МАРИИНСКОЙ ОБИТЕЛИ МИЛОСЕРДИЯ В МОСКВЕ. БУМАГА НА КАРТОНЕ, ГУАШЬ, ТЕМПЕРА, ГРАФИТНЫЙ КАРАНДАШ. 49 × 54 ГТГ

CHRIST VISITS MARTHA AND MARY DETAIL. 1918 ARTIST'S COPY OF A MURAL ON THE NORTHERN WALL OF THE CHURCH OF INTERCESSION AT THE MARFO-MARIINSKY CONVENT IN MOSCOW. GOUACHE, DISTEMPER, LEAD PENCIL ON PAPER MOUNTED ON CARDBOARD. 49 × 54 cm Tretyakov Gallery

Через год после заключения брака у Екатерины Петровны и Михаила Васильевича родилась дочь Наталья, в конце 1904 года еще одна дочь – Настенька, которая умерла в младенческом возрасте, в 1907 году – сын Алексей. Дети Нестерова от второго брака также станут героями многочисленных портретов, а сын Алексей – еще и прообразом мальчика, увидевшего Христа, на картине «На Руси (Душа народа)». Художник, долго искавший нужный образ и нужную позу, однажды увидит их в своем сыне и, боясь утратить найденный ракурс, сделает фотографический снимок, публикуемый нами на этих страницах.

Переписка М.В. Нестерова с его второй супругой и детьми, Натальей и Алексеем, хранится в Третьяковской галерее. Письма М.В. Нестерова к Е.П. Нестеровой, если можно так выразиться, «деятельны». Многие его письма к старшей дочери лиричны, письма к А.А. Турыгину – наполнены философскими размышлениями, а письма Михаила Васильевича к Е.П. Нестеровой эпичны: в них преобладает повествование. Написанные в отъезде кого-либо из супругов, они содержат подробные рассказы о повседневной жизни Михаила Васильевича, его встречах и впечатлениях. Из писем видно, что жена много помогала художнику не только в быту: часто он дает ей поручения, связанные с его работой. В одном из писем М.В. Нестеров обозначает роль, которую играла Екатерина Петровна в их совместной жизни: «ты «маховик» в нашей машине (а машина-то все же я!)».

Письма к Нестерову детей от второго брака, Натальи и Алексея, хранящиеся в Отделе рукописей ГТГ, перекликаются с их портретами. Письма Натальи – живые, яркие, острые; такой предстает и она сама на портрете отца «Девушка у пруда» (1923). Письма Алексея – более размеренные, созерцательные, как и он в «Портрете Алеши Нестерова» (1919, этюд). Разницу в характерах

брата и сестры Нестеров хорошо чувствовал и в одном из писем шуточно называет Наталью «дядей Наташей», а Алексея – «тетей Алешей».

Интересно сложилась судьба упоминаемых в переписке членов семьи М.В. Нестерова.

Дочь Ольги Михайловны Нестеровой-Шретер, Ирина Шретер (1918–2003), стала художником-постановщиком, среди ее работ в кинематографе фильма «Девчата», «Гранатовый браслет», «Хозяин тайги», «Свой среди чужих, чужой среди своих» и другие.

Внучки Михаила Васильевича от средней дочери, Веры Михайловны Нестеровой-Титовой, добились успеха на научном поприще. Младшая из них, Татьяна Ивановна Титова (1939–2010), работала в Институте физической химии РАН, была кандидатом физико-математических наук. Старшая, Мария Ивановна Титова (род. 1937), стала профессором в области медицинских наук, работает в Институте хирургии им. А.В. Вишневского. Мария Ивановна исполнила желание деда, который хотел, чтобы кто-то из его родных стал врачом, и по сегодняшний день является хранительницей памяти о своем деде.

По хитрому сплетению судеб вторым мужем дочери художника от второго брака, Натальи Михайловны (1903–2004), стал Федор Сергеевич Булгаков (1902–1991), сын одного из героев картины М.В. Нестерова «Философы», русского философа С.Н. Булгакова.

Сын от второго брака Алексей (1907–1942), специалист по коневодству, увлекался рисованием, фотографией, писал стихи (одно из его стихотворений опубликовано ниже). Алексей умер после долгой борьбы с туберкулезом в один год с отцом.

Михаил Васильевич Нестеров сохранял бодрость духа и трудился над картинами до последних лет своей долгой жизни.

Е.П. НЕСТЕРОВА И Н.М. НЕСТЕРОВА, ПОЗИРУЮЩИЕ ДЛЯ ИКОНОСТАСА МАРФО-МАРИИНСКОЙ ОБИТЕЛИ. ФОТОГРАФИЯ. [1908–1909] ОР ГТГ

YEKATERINA NESTEROVA AND NATALYA NESTEROVA POSING FOR IMAGES DESTINED FOR THE ICONOSTASIS AT THE MARFO-MARIINSKY CONVENT. PHOTO. [1908–1909] Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery

БОГОМАТЕРЬ УМИЛЕНИЕ. 1909 ▶ ОБРАЗ ИКОНОСТАСА МЕДЬ, МАСЛО. 115 × 98 Церковь Покрова Богородицы Марфо-Мариинской обители милосердия, Москва

HOLY MOTHER OF GOD ELEUSA ▶ 1909 IMAGE FOR THE ICONOSTASIS OIL ON COPPER. 115 × 98 cm Church of Intercession of the Marfo-Mariinsky Convent, Moscow

Письма М.В. Нестерова

ПИСЬМО М.В. НЕСТЕРОВА К В. И., М.М. И А.В. НЕСТЕРОВЫМ С ЕГО РИСУНКОМ, РАСКРАШЕННЫМ ДОЧЕРЬЮ ОЛЬГОЙ. ВЕНЕЦИЯ, 17 АВГУСТА 1893 г. ОР ГТГ. Публикуется впервые

MIKHAIL NESTEROV'S LETTER TO VASILY, MARIA AND ALEXANDRA NESTEROV, WITH HIS DRAWING COLOURED BY HIS DAUGHTER OLGA. VENICE, 17 AUGUST 1893. Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. First publication

ПИСЬМО М.В. НЕСТЕРОВА К В. И., М.М. И А.В. НЕСТЕРОВЫМ С ЕГО РИСУНКОМ, РАСКРАШЕННЫМ ДОЧЕРЬЮ ОЛЬГОЙ. КИЕВ, 9 МАЯ 1892 г. ОР ГТГ. Публикуется впервые. «ОЛЮШКА КОГДА БУДЕТ БОЛЬШАЯ».

MIKHAIL NESTEROV'S LETTER TO VASILY, MARIA AND ALEXANDRA NESTEROV, WITH HIS DRAWING PAINTED BY HIS DAUGHTER OLGA. KIEV, 9 MAY 1892. Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. First publication. "LITTLE OLYA WHEN SHE'S GROWN-UP"

М.В. Нестеров – В.И., М.М., А.В. Нестеровым 18/30 июня 1889 года. Неаполь

<...> Говорить нечего, что поездка эта надолго останется у меня в памяти, многое видел такое, что трудно позабыть. Для моего художественного развития, думаю, тоже это не останется бесследно, даже если я ничего здесь не успею написать, то все же я столько видел и еще увижу, что, приехав в Россию и позанивавшись посерьезнее, можно надеяться, что недостатки, которые так крупны теперь, тогда понемногу исчезнут.

Иногда видишь ясно и благодаришь судьбу, что все же, несмотря на всевозможные невзгоды, увлечения и ошибки, не теряешь равновесия и еще держишься, так сказать, на поверхности, тогда как многие уже пошли ко дну, да, трудно иногда бывает, но все же пока жить можно. Жалеешь о том, что невозвратно, но все это хороший урок и предостережение на будущее время... Иногда, в минуты относительно счастливые, тяжело и больно бывает: отчего то, что я имею возможность видеть, чем могу любоваться и восхищаться, недоступно всем близким мне, за что мне так много, тогда как другим ничего, не слишком ли это? Словом, бывает иногда и хорошо и больно в одно время. <...>

ОР ГТГ. Ф. 100. Ед. хр. 1279. Л. 1-2.

ПИСЬМО М.В. НЕСТЕРОВА К СЕСТРЕ А.В. НЕСТЕРОВОЙ С ЕГО РИСУНКОМ, РАСКРАШЕННЫМ ДОЧЕРЬЮ ОЛЬГОЙ. КИЕВ, 15 ИЮНЯ 1893 г. ОР ГТГ. Публикуется впервые. «МОДНИЦА-КИЕВЛЯНКА. ЧЕРНЫЙ ШЕВИОТ, ДЛИНА – НЕСКОЛЬКО ВЫШЕ КОЛЕН, СЗАДИ СКЛАДКИ, ОТКЛАДНОЙ И СТОЯЧИЙ ВОРОТ, НАПЕРЕДИ ЛАЦКАНЫ С ПУГОВИЦАМИ. СШЕЙ ТЕБЕ, САША, ЭТО КРАСИВО С ЧЕРНОЙ ЮБКОЙ И ЗЕЛЕНЫМ КОРСАЖЕМ (ЗА ПОЯСОМ ПЛАТОК)».

MIKHAIL NESTEROV'S LETTER TO HIS SISTER ALEXANDRA NESTEROVA, WITH HIS DRAWING COLOURED BY HIS DAUGHTER OLGA. KIEV, 15 JUNE 1893. Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. First publication. "A FASHIONABLE KIEVAN WOMAN. A BLACK CHEVIOT SHEEP [COAT], LENGTH – SLIGHTLY ABOVE THE KNEES, FOLDS AT THE BACK, THE COLLAR TURNDOWN AND STANDUP, LAPELS AND BUTTONS ON THE FRONT. SEW THIS ONE FOR YOURSELF, SASHA, THAT'S BEAUTIFUL WITH A BLACK SKIRT AND GREEN BODICE (A HANDKERCHIEF TUCKED BEHIND THE BELT)"

М.В. Нестеров – А.В. Нестеровой 8 апреля 1890 года. Абрамцево

<...> Дорогая Саша, к тебе на этот раз есть у меня просьба, вот она. Воздерживайся употреблять (а паче того злоупотреблять) слова «знаменитый», «известный», «гениальный» и вообще громкие слова в связи с моим именем. Не прими это за лицемерие, это есть нечто, от чего меня постоянно коробит и делается больно. А если это шутка, то шутить этим нездорово и опасно... <...>

ОР ГТГ. Ф. 100. Ед. хр. 57. Л. 2 об.

М.В. Нестеров – О.М. Нестеровой 19 мая 1906 года. Киев

Здравствуй, моя милая Олюшка!
Сегодня я ждал от вас вестей с дороги, вместо них получил телеграмму из Уфы. Спасибо за память и поздравление. А мне сегодня и вправду стукнуло 44 года, пройдет еще несколько дней, и тебе будет 20...

Много воды утекло за эти годы, было кое-что и хорошее, было и нехорошее... без которого не проживешь... Я не могу сказать, как «Демон», – «и прошедшего не жаль», нет, мне его жалко, и как еще жалко! Его и вернуть нельзя, и исправить трудно... Особенно когда начинаешь чувствовать близость старости.

Тебе полегче – ты человек будущего, сумеешь сама не прозевать и не испортить своей жизни. <...>

Как знать, может, тебе, да и всему твоему поколению людей, придется быть свидетелями и участниками событий исключительных. Господа будут те, кто умен, деятелен, энергичен, а глупые, ленивые и праздные очутятся в положении рабов (в истории этому были разительные примеры). Интересное, хотя и бурное время настает, много надежд, восторгов и разочарований переживут русские люди, пока выработают лучшую норму жизни <...>

Что твоя вышивка? Я не теряю надежды в конце концов и от тебя получить подарок и приму его с наслаждением.

ОР ГТГ. Ф. 100. Ед. хр. 1419. Л. 1-2 об.

М.В. Нестеров – О.М. Нестеровой 1 июня 1906 года. Москва

Дорогая моя Олюшка!
Сегодня в полдень минуло 20 лет, как не стало нашей Мамы.

Я только что приехал из Данилова монастыря, где отслужили панихиду, убрали могилу, вымыли памятник, и передо мной прошли, как живые, памятные страшные дни 1886 года.

Ах! Как все это больно было и тяжело... <...> И оба мы с тобой были тогда одинако[во] беспомощны.

Помолилась ли ты сегодня о Маме?

Вчера я был в Петровском парке, прошел около церкви, в которой венчали нас, а потом мимо дома в Зыковом переулке, где жила и живет беднота и где жили мы с мамой перед свадьбой. Цел и домишко, цел и чердачок в одно окно, где прожива[л] я.

Все прошло, все миновало!..

Я стал «большой», стал «известный художник», а счастлив ли я?..

Ты выросла, стала тоже «большая», и перед тобой «жизнь». Постарайся устроить ее умнее, лучше, счастливей меня.

Не «мудрствуй», как часто делал я и всегда раскаивался.

Так-то, моя хорошая большуха! <...>

Целую тебя,

твой Папа.

ОР ГТГ. Ф. 100. Ед. хр. 154. Л. 1-2 об.

М.В. Нестеров – О.М. Нестеровой-Шретер 27 января 1913 года. Москва

<...> Как часто (и все чаще и чаще) я вспоминаю Лёлю – этот источник поэзии и истинного художеств[енного] вдохновения. Она старенькая, с обручиком на немногих седеньких оставшихся волосах (помнишь, какие были пышные?) сидит себе посейчас, а около нее идет жизнь, и догорающие лучи былой Лёли еще греют тех, на кого они упадут... <...>

ОР ГТГ. Ф. 100. Ед. хр. 1453. Л. 1 об-2.

А.М. Нестеров. «Море». 1922 год

Даль морская серебрится,
Слышен волн о камни звон,
Разъярится, закружится,
Перейдет на тихий стон.
Набежит волна, отпрянет,
Набежит потом опять
(Будто полк на крепость встанет
И отступит снова вспять).
Море блещет, море дышит,
Море шепчет, как во сне,
И резвящиеся рыбки
Ходят стайками на дне.
Здесь, на ялике разбитом
Стану я поклева ждать
И играющий среди пены
Поплавок свой наблюдать.
Стану я смотреть у мола,
Белокрылыя суда
И корабликов черных
Как мелькают паруса.
Даль морская серебрится,
Слышен волн о камни звон,
Разъярится, закружится,
Перейдет на тихий стон.

Маме и Папе на
Рождество 1922 г.
Алеша

ОР ГТГ. Ф. 100. Ед. хр. 1101. Л. 1-10б.

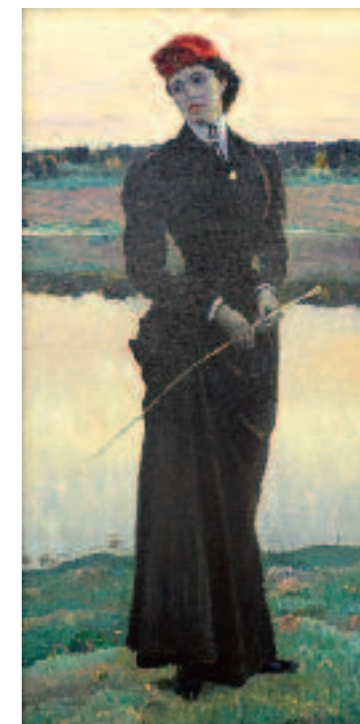

М.В. НЕСТЕРОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1887
ФОТОГРАФИЯ
ОР ГТГ

MIKHAIL NESTEROV
ST. PETERSBURG, 1887
PHOTO
Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery

ПОРТРЕТ ОЛЬГИ МИХАЙЛОВНЫ
НЕСТЕРОВОЙ («АМАЗОНКА»). 1906
ХОЛСТ, МАСЛО. 175 x 86,5
Государственный Русский музей,
Санкт-Петербург

PORTRAIT OF OLGA NESTEROVA
("AN AMAZON"), 1906
OIL ON CANVAS. 175 x 86.5 cm
Russian Museum, St. Petersburg

М.И. МАРТЫНОВСКАЯ
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1880-х. ФОТОГРАФИЯ
Поступление в Третьяковскую галерею в 2012 году
из собрания И.В. Шретер, внучки М.В. Нестерова
Публикуется впервые

MARIA MARTYNOVSKAYA
FIRST HALF OF THE 1880s. PHOTO
Donation to the Tretyakov Gallery in 2012 by bequest
of Irina Schreter, granddaughter of Mikhail Nesterov
First publication

О.М. НЕСТЕРОВА В ПЛАТЬЕ ДЛЯ
ВЫПУСКНОГО БАЛА В КИЕВСКОМ
ИНСТИТУТЕ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 1904. ФОТОГРАФИЯ
ОР ГТГ

OLGA NESTEROVA IN A DRESS MADE FOR THE
GRADUATION CEREMONY AT THE INSTITUTE
FOR NOBLE YOUNG LADIES IN KIEV.
ST. PETERSBURG, 1904. PHOTO
Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery

М. В. НЕСТЕРОВ
КИЕВ, [1898]
ФОТОГРАФИЯ
ОР ГТГ

MIKHAIL NESTEROV
KIEV, [1898]
PHOTO
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery

В. М. НЕСТЕРОВА, СРЕДНЯЯ ▶
ДОЧЬ ХУДОЖНИКА. [1934–1935]
ФОТОГРАФИЯ
ОР ГТГ

VERA NESTEROVA, THE ARTIST'S ▶
MIDDLE DAUGHTER. [1934–1935]
PHOTO
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery

М.В. Нестеров – И.В. Шретер
25 августа 1938 года. Колтуши

Здравствуй, моя милая «Старшая внучка»!

Из твоего письма <...> вижу, что ты толково «осмотрела Русский музей». Что мои вещи повешены плохо – это я знал, говорят, что они висят так «временно», как и Врубель. – Посмотрим...

Ты пишешь, что тебе не даются «яркие краски». Добивайся не яркости, а гармонии: она даст тебе и яркость. Хорошо запомни это. <...>

Целую тебя – Дед.

ОР ГТГ. Ф. 100. Ед. хр. 1470. Л. 1-10б.

М.В. Нестеров – И.В. Шретер
11/24 июля 1939 года. [Москва]

Письмо твое, милая моя Ирина, получил, спасибо. <...> Рад, что живется тебе хорошо и что ты работаешь. Смотри на природу как на любимую красавицу, находи в ней тысячи скрытых прелестей, доступных лишь тебе одной. Не мажь зря, рисуй, пиши с полным сознанием. У тебя хороший глаз: бери от него наибольшее. Вот тебе и «поучение». <...>

Дед, тебя любящий. МН

ОР ГТГ. Ф. 100. Ед. хр. 1471. Л. 1.

М.В. Нестеров – О.М. Нестеровой-Шретер
28 августа 1940 года. [Москва]

<...> Ирина показала сделанный ею с тебя рисунок, он очень хорош, хорош по мягкости выражения, и я прошу Ирину поставить его в раму и повесить у себя в комнате, чем-то все же

очень хорошим, хотя и грустным он будет напоминать мне тебя. <...>

Посылаю тебе мою карточку, снятую Алексеем с меня на балконе. Сейчас А[лекс]ей занят и увлечен фотографией <...>

С портретом Мухиной дело обстоит так: у меня одновременно были из Третьяковской галереи и из «Русского музея». Галерея, конечно, у меня на первом плане, хотя у них и нет денег. У Русского музея деньги есть, но я портрет туда отдам лишь в том случае, если другого выхода не будет. Портрет всем нравится, да и я считаю его одним из более удавшихся. Таких я считаю 4, он один из них. <...>

Вере письмо твое передал. Она <...> вся такая же добродушная, заботливая о всех, хороший она человек.

<...> Целую, любящий тебя Отец.

ОР ГТГ. Ф. 100, ед. хр. 1464, л. 1-10б.

М.В. Нестеров – В.М. Титовой
20 сентября 1939 года. [Москва]

Верушка! Друг мой!

Давно не получал от тебя письма. В воздаяние чего был у меня Ив[ан] Ив[анови]ч и порассказал о вашем житье-бытье. Многое мне понравилось, а многое нет. К последнему отношению воспитание тобой и твоей мамой моих внушек. Вы «залюблюете» их себе на голову. <...> надо держаться «метода» Ив. Ив-ча. При всякой попытке к истерике, непослушанию необходимо подавить в себе разные нежные чувства и отшлепать, для чего у тебя есть ладони, а у Машинки – «тутушка», после чего в оправдание себя, в компенсацию за изъян тутушки не удваивать нежных чувств и не закармливать ни лаской, ни сладостями, а выдержать и крик, и слезы, и прочие обычные приемы маленьких хитрецов. Так делала с вами твоя Мама (на внушек ее не хватает), так делали

М. В. НЕСТЕРОВ СО ВТОРОЙ ЖЕНОЙ
ЕКАТЕРИНОЙ ПЕТРОВНОЙ И ИХ
ДЕТЬМИ НАТАЛЬЕЙ И АЛЕКСЕЕМ.
АРМАВИР, 1918–1919. ФОТОГРАФИЯ
ОР ГТГ

MIKHAIL NESTEROV WITH HIS
SECOND WIFE, YEKATERINA,
AND THEIR CHILDREN,
NATALYA AND ALEXEI.
ARMAVIR, 1918-1919. PHOTO
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery

и делают те, кто не хочет из своих детей сделать уродов. <...>
Внучек – и послушных, и непослушных – целую, как и тебя.
Папа.

Из архива М.И. Титовой

М.В. Нестеров – Е.П. Нестеровой
Июль 1939 года. Москва

<...> Начну с того, что проводивши тебя в 7 час[ов], в 9 час[ов] начал переписывать «Элегию». Написал «даму в белом», позвал Наталью – спрашиваю, лучше или хуже, говорит хуже,

прогнал, а сам, не будь плох, все стер (бес-то все шепчет в ухо: соскобли старую фигуру, соскобли, а я все молчу). То был час второй. Пообедал, поспал, стал писать «даму в черном», был час шестой, звонит Е.П., я едва ворочая языком, продолжаю писать, написал, позвал судью – Наталью, что говорю – лучше, говорит лучше, но старое все же было лучше, прогнал, решил из черной дамы сделать темно-синюю, сделал, был час 9-ый, бросил, пошел кисти мыть, ноги едва волочу: просидел 10 час!!!! <...> К часу ночи картина была восстановлена, и я уснул сном младенца. <...>

ОР ГТГ. Ф. 100. Ед. хр. 1834. Л. 1-10б.

М.В. Нестеров – А.А. Турыгину
2 июня 1922 года. Москва

<...> Я сделался художником, прожил большую, интересную жизнь, дождался взрослых детей, внучки, – и вот не за горами время, когда придется переступить порог и познать большее, главное, а готов ли к этому последнему? – не готов, и боюсь, что готов не буду до последнего момента. И это плохо: все придется пройти наспех, начерно. Между тем каждый из нас знает, как могли и умели час этот встретить наши святые, да одни ли святые, но и наши несвятые предки. Мысли ли о картинах, или суета жизни давно и постоянно отвлекают меня, увлекают меня до забывчивости, и так было всю жизнь, так будет и до последнего часа <...>

М. В. НЕСТЕРОВ И И. В. ШРЕТЕР.
МОСКВА, 1939. ФОТОКОПИЯ
ОР ГТГ

MIKHAIL NESTEROV AND
IRINA SHRETER.
MOSCOW, 1939. PHOTOCOPY
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery

Mikhail Nesterov's Family in His Art

OLGA IVANOVA

ДЕВУШКА У ПРУДА (ПОРТРЕТ
НАТАЛЬИ МИХАЙЛОВНЫ
НЕСТЕРОВОЙ). 1923
ФРАГМЕНТ
ГТГ

YOUNG GIRL BY THE POND
(PORTRAIT OF NATALYA
NESTEROVA). 1923
DETAIL
Tretyakov Gallery

THERE ARE SOME ARTISTS WHOSE ART MAY BE EXAMINED WITHOUT MUCH STUDY OF THEIR BIOGRAPHIES, OR REFERENCE TO THEIR LOVED ONES, WHILE WITH OTHERS THEIR WORK IS SO CLOSELY LINKED TO THEIR FAMILIES THAT IT BECOMES ESSENTIAL TO ANY ANALYSIS OF THEIR OEUVRE. MIKHAIL NESTEROV (1862-1942) IS AMONG THE LATTER: THIS ARTICLE, WHICH INCLUDES MATERIALS, LETTERS AND PHOTOGRAPHS FROM VARIOUS ARCHIVES, EXAMINES THE CONNECTION BETWEEN THE ARTIST'S FAMILY AND HIS WORK.

THESE LETTERS HELP US SEE WHAT IS USUALLY HIDDEN FROM THE VIEWER'S EYES – THE DIFFERENT ROLES THAT AN ARTIST'S FAMILY PLAYS IN HIS LIFE. NESTEROV'S FAMILY MEMBERS OFTEN INSPIRED HIM TO CREATE HIS PAINTINGS, OR SERVED AS "PROTOTYPES" FOR THE SUBJECTS OF HIS LARGE-SCALE WORKS, EVEN FOR THE FRESCOES THAT THE ARTIST CREATED FOR VARIOUS CATHEDRALS. WITHOUT DOUBT, THIS WAS VERY IMPORTANT FOR THE ARTIST; HE WROTE THAT "...IF THERE IS A FACE, THERE IS A PAINTING. IF THERE IS NO [FACE], NO EXPRESSION THAT I SEEK <...> - THERE WILL BE NO PAINTING. LIKE SEROV, IT IS THE HUMAN SOUL THAT I NEEDED FIRST AND FOREMOST."

IN MAKING THE ACQUAINTANCE OF NESTEROV'S FAMILY MEMBERS IT IS NOT ONLY HIS LETTERS AND PAINTINGS THAT ARE IMPORTANT, BUT ALSO THE PHOTOGRAPHS THAT HAVE BEEN PRESERVED, WHICH SOMETIMES REFLECT MUCH ON NESTEROV'S CREATIVE PROCESS. THE LEGACY OF THE ARTIST'S DESCENDANTS, WHOSE LIVES WERE PROFOUNDLY INFLUENCED BY THE PERSONALITY OF THEIR FATHER AND GRANDFATHER, IS ALSO REVEALING.

ДЕВУШКА У ПРУДА (ПОРТРЕТ НАТАЛЬИ МИХАЙЛОВНЫ НЕСТЕРОВОЙ). 1923
ХОЛСТ, МАСЛО. 94 x 90
ГГГ

YOUNG GIRL BY THE POND
(PORTRAIT OF NATALYA
NESTEROVA). 1923
OIL ON CANVAS. 94 x 90 cm
Tretyakov Gallery

Н. М. НЕСТЕРОВА
1948. ФОТОГРАФИЯ
ОР ГГГ. Публикуется впервые

NATALYA NESTEROVA
1948. PHOTO
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery. First publication

On May 31 (19) 1862 a baby boy was born in Ufa, who would be remembered in the history of Russian art as Mikhail Vasilyevich Nesterov. But back then, Misha was a little mischief-maker who was as far from being respectfully called by his name and patronymic as he was from art. The only son of a merchant, he was his father's single hope of preserving the family business. When his parents sent the twelve-year-old Misha to study in a secondary school in Moscow, the only thing that betrayed the boy's future as an artist was the fact that he was quite fond of drawing. Misha's passion for drawing was so strong that it impressed his teachers; it was on their advice that his father Vasily Nesterov (1818-1904) gave the boy permission to leave the school and start, in 1876, his education at the Moscow School of Painting, Sculpture and Architecture.

In making this decision, Vasily Nesterov was also making a sacrifice: he realized that there would be no one to take over the family business, and it was not long before he closed it down. However, he did not just send his son "sailing" out on his own: he warned Mikhail that he would only consider him an artist when Pavel Tretyakov acquired one of his paintings for his gallery. This happened in 1889, when Tretyakov purchased "The Hermit" from Nesterov, and a year later, the gallery acquired "The Vision of the Young Bartholomew". Thus, Mikhail Nesterov had succeeded as an artist in the eyes of his family.

Nesterov remained grateful to his father for the rest of his life – for letting him take "the chosen and beloved path", and for financing his education. His mother Maria (1823-1894) provided a different kind of support, described by Nesterov in his memoirs: "I have always felt, and still feel that no one ever listened to me or understood my childish, young dreams, my fears, my plans like she did; though uneducated, she was so caring and considerate, she lived entirely for me and through me – my darling mother." Images of Nesterov's parents survive in their portraits, now in the Tretyakov Gallery, which he painted while still an art student in the 1880s.

Nesterov's letters to his parents and sister cover the period from the end of the 1880s through the 1890s. Written by a young artist at the beginning of his career, they often read like notes from a diary; the reader is able to get an idea of some events of Nesterov's life, as well as his intentions and plans. He often shared his thoughts with his loved ones and asked them for help and advice. His correspondence reflects one such "family council" – in 1897 the artist wrote to them about his desire to donate his series of paintings dedicated to Sergius

of Radonezh to the Tretyakov Gallery; he was asking for their opinion and was prepared to change his mind should they disagree. His sister and his father (in spite of being a merchant) supported Nesterov in his decision to donate art worth a few thousand rubles, and it is thanks to this that the paintings are now housed at the gallery.

However, his parents' influence on Nesterov's art was indirect. The inspiration he received from his beloved first wife, Maria Martynovskaya (1862-1886), was much more profound. The artist met her in Ufa in the summer of 1883. Later in life he described meeting his future wife for the first time: "The young lady kept walking; I followed her slowly [on horseback]. We went on like this for a while, and I noticed that the stranger had guessed that the rider was not just out and about, but rather had a purpose, so she began watching him through a small hole in her umbrella..." The artist made a drawing depicting this encounter and called it accordingly "The First Meeting". It was the first of a whole series of Maria Martynovskaya's images; more than that, it was in that summer that the female image itself became part of Nesterov's art – before then, it had been absent from his drawings, studies and paintings.

In the autumn following his acquaintance with Maria, Nesterov returned to Moscow to continue his education. The love-struck couple only saw each other again the following summer; Nesterov worked with renewed tenacity between his visits to Ufa. He finally obtained the long-awaited title of a "free (independent) artist" in 1885 and married Maria in the same year.

What was the artist's first wife like? "She was not beautiful in the ordinary, conventional way. What she did have was elusive charm, innate originality <...> and amazing femininity, which was so attractive not only to my father, but everyone who knew her. [Like] a first spring flower with its delicate scent," wrote Olga, Maria and Mikhail's daughter.

The birth of Olga, Nesterov's eldest and favourite daughter, was the source of great joy for the couple, but Maria developed complications after childbirth, and soon died. Shaken, Nesterov poured his grief into art: "That bitter-sweet feeling still upon me, I drew a lot back then, and the image of my deceased [wife] would not leave me; her features were everywhere, the peculiarities of her face and her expressions came back to me and found their way into drawings and sketches. <...> It felt like she was with me then." Nesterov captured his late wife's image in a posthumous portrait (which he later destroyed) in her wedding attire, as well as in his painting "Bride of Christ". In the same way that the first meeting of the young couple was reflected in Nesterov's drawings, his last farewell to his dying wife was depicted in his watercolour "The Last Sunday, June 1 1886."

"My love for Masha [nickname for Maria] and losing her made me an artist, brought substance into my art that had not been there before, gave it feeling and a living soul – in a word, everything that people came to value, and still value in my art," Nesterov wrote to describe the important role his wife played in his development as an artist.

Unfortunately, very few of Maria's letters survive today; Olga, the eldest of Nesterov's children, gave some letters to the Tretyakov Gallery but requested that they not be published. Nesterov's letters to Olga are marked with special warmth; they give the reader a chance to appreciate his attitude towards her mother. One letter helps us clarify the date of Maria Martynovskaya's death. Many researchers have mistakenly stated the date, which is never clearly indicated in the artist's memoirs, as May 29. However, in his letter to Olga of June 1 1906 Nesterov wrote about marking the anniversary of her mother's death on that day. Another fact pointing to June 1 is the name the artist gave to the watercolour depicting his dying wife, "The

ПИСЬМО М. В. НЕСТЕРОВА К РОДНЫМ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 4 ФЕВРАЛЯ 1893 г. ОР ГГГ
«ВЧЕРА ОКОНЧАТЕЛЬНО УСТАНОВИЛИ МОЮ КАРТИНУ <РЕЧЬ ИДЕТ О КАРТИНЕ М. В. НЕСТЕРОВА «ЮНОСТЬ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО»>, ПО БОКАМ ЕЕ НА СТЕНЕ СПРАВА ПОСТАВЛЕН ПЕЙЗАЖ (ОЗЕРО) АП[ОЛЛИНАРИЯ] ВАСНЕЦОВА, А СЛЕВА (ОТ ЗРИТЕЛЯ) ПОРТРЕТ М. Л. ТОЛСТОЙ РАБОТЫ ГЕ. <...> В КОНЦЕ ПИСЬМА ПРИЛАГАЮ РИСУНОК, НА КОТОРОМ ИЗОБРАЖЕНА МОЯ КАРТИНА И ЕЕ СОСЕДИ С ЛЕСТНИЦЫ ОТ ЗРИТЕЛЯ».

MIKHAIL NESTEROV'S LETTER TO HIS FAMILY. ST. PETERSBURG, 4 FEBRUARY 1893
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery
"YESTERDAY MY PAINTING WAS FINALLY MOUNTED [REFERENCE TO NESTEROV'S COMPOSITION "THE YOUTH OF ST. SERGIUS OF RADONEZH"], FLANKED ON THE WALL BY AP[OLLINARIY] VASNETSOV'S LANDSCAPE (A LAKE) TO THE RIGHT AND GHE'S PORTRAIT OF MARIA TOLSTAYA TO THE LEFT (MIRRORWISE) <...> AT THE END OF THE LETTER I ATTACH A DRAWING FEATURING MY COMPOSITION AND OTHER NEIGHBOURING ONES AS VIEWED BY SPECTATORS FROM THE STAIRS".

Last Sunday, June 1 1886." Also, it was June 1, not May 29 that fell on a Sunday in 1886 – it was indeed on a Sunday, according to Nesterov's memoirs, that Maria died.

Nesterov painted many portraits of his oldest daughter, who reminded him of his beloved late wife, the most famous of which is "Portrait of O.M. Nesterova" ("Woman in a Riding Habit", or "Amazon"), executed in 1906; he painted it in between two dangerous operations that Olga had to undergo, expressing his fear of losing her and his desire to preserve her features in his art. Nesterov's friend Sergei Durylin wrote to Olga about this portrait: "In the same way as 'the girl with peaches' (Vera Mamontova) is the best, the fairest Russian young woman of the 1880s, so is 'the girl in a riding habit' (you!) the best and fairest Russian young woman of the early 1900s. <...> How marvelously did he [Mikhail Nesterov] combine here his love for his daughter with his admiration for the young Russian woman." Quite justly, the artist considered this portrait among his best works, and viewers mainly know his daughter Olga from it.

It is less known that Olga Nesterova continued her father's work and became an artist herself. An intriguing note from Nesterov to his very young daughter, written in block letters, is kept at the Tretyakov Gallery. The artist is asking her to have her photograph taken for a portrait and includes a rough sketch with a note that says "You can colour it"; indeed, the drawing is "finished" with coloured pencils. It seems it was with such "colouring" and "collaborative work" that little Olga started drawing. She did not receive any formal art education; however, from Lyolya Prakhova, a friend of the family who was briefly engaged to Nesterov, she learned to create silk embroidery using a special stitching technique of the 16th-century embroidery masters, and her works were indistinguishable from watercolour.

Mikhail Nesterov met Lyolya Prakhova after he moved to Kiev, where he was invited to take part in painting the interior of the Cathedral of St. Vladimir. It was there that he became close to the family of Adrian Prakhov, who was in charge of the work on the cathedral; Prakhov's daughter Elena (1871-1948), who was nicknamed Lyolya, became a dear friend. The artist found Lyolya to be talented, uncommonly pure and kind, and chose her as his model for painting the image of St. Varvara in the cathedral. As a result, the small saint in the fresco had such a likeness to Lyolya that one of Kiev's *grandes dames* declared: "I cannot pray to Lyolya Prakhova!", and Nesterov was required to re-paint the image, making changes to the saint's pose and face.

The artist was convinced that Lyolya Prakhova was someone who understood him very well: "That part of my soul, or my spirit that was the source of my art, the source of 'Bartholomew', 'Tsarevich Dmitry' and my other paintings, that corner of my very nature, my creative soul was not known to many – maybe two or three [people]. My late mother knew it, and Lyolya Prakhova guessed..." In 1899, "after ten years of friendship", Nesterov proposed to Lyolya, and was accepted; however, the engagement did not last, which did not prevent them from remaining lifelong friends. In one of the letters (included here) Nesterov wrote to his daughter Olga fourteen years after he and Lyolya Prakhova broke their engagement, he remembers Lyolya not as a friend, but as someone who was once his muse.

Nesterov's new love, and the mother of his middle daughter Vera, was Yulia Urusman (1877-1962), a teacher. Her images in Nesterov's art would later be referred to as "Nesterov's woman" – a refined and spiritual face, enormous sad eyes full of deep feeling... Yulia Urusman's image became part of such works as "Thoughts", "Beyond the Volga", "Aksakov's Motherland", and "The Raising of Lazarus". Yulia also modeled for Nesterov's frescoes in the Marfo-Mariinsky Convent of Mercy; her features may be discerned in the frescoes Nesterov painted

for the St. Alexander Nevsky Cathedral in Abastumani. In Nesterov's "Holy Week", one of the female figures is that of a woman holding a small light-blue coffin (coffins of this colour were used to bury male babies who died in infancy) – this image also likely related to Yulia Urusman and Fedya, her son with Nesterov who died at birth in 1902.

Nesterov also painted several portraits of his daughter with Urusman, Vera. The artist complained to Vera that her features proved "elusive" to him, that he was not entirely happy with his portraits of her; it was only his 1918 drawing of Vera that he praised: "...as good as Valentin Serov's."

Even though Urusman and Nesterov remained friends all their lives, his letters to her are little known. At the same time, much of his correspondence with his daughter Vera was preserved and can help us understand Nesterov's life in the 1920s and 1930s. The artist's granddaughter (Vera's daughter) Maria Titova published these letters in 2012. With Ms. Titova's permission, one of them is included here; in it, we see Nesterov not as an artist, but as a devoted, albeit strict father and grandfather, a witty man with a way with words.

In 1902 Nesterov married again – his bride, Yekaterina Vasileva (1879-1955), was a schoolmistress at the Kiev Finishing School, where Olga, Nesterov's eldest daughter, was studying. In a letter to Alexander Turygin, the artist described how they met: "About three weeks ago, I was told that a certain schoolmistress from the Institute (whom I did not know) was asking for permission to visit me and see my painting – young, beautiful, a favourite of the Countess Konovnitsyna, et cetera. I agreed... and now this young woman has fallen in love with me, passionately and with abandon, and I fell in love with her like a schoolboy. She is indeed beautiful, tall, elegant, very intelligent, and by all accounts, a wonderful, steadfast and selfless person."

The artist's second wife remained his faithful companion for 40 years, until the end of his life. Nesterov valued her "unusual, heartfelt and intelligent interest in his art", her "love for everything he holds dear"; in his correspondence, he often mentioned that Yekaterina took care of household work. "My wife is in the kitchen, cooking, roasting, darning all sorts of things – and I keep painting," he wrote to his friend Turygin.

Yekaterina's portrait, which the artist painted in 1905 in their apartment in Kiev, was Nesterov's first portrait that he considered good enough to be exhibited. The sadness, sorrow and disappointment, the discord with the world that filled his earlier female images, in this portrait gave way to peace of mind and harmony, to a quiet delight in the world. Later, the artist would paint many more portraits of his wife and use her as a model for an icon and frescoes at the Marfo-Mariinsky Convent; thus, she served as the model for Mary listening to the words of Christ.

After a year of marriage Yekaterina gave birth first to a daughter, Natalya (another daughter, Nastenka, was born in 1904 but died in infancy), and then their son, Alexei, in 1907. Nesterov would paint numerous portraits of his children with his second wife, and his son Alexei would also serve as the model for the young boy who sees Christ in "In the Land of Russia (The Soul of the People)". For a long time the artist was looking for the right image and the right pose, so when one day he noticed all that in his son, he hurried to take a photograph (published here).

Mikhail Nesterov's correspondence with his second wife and their children is housed at the Tretyakov Gallery. The artist's letters to his wife Yekaterina are "active", so to speak. Many of his letters to his oldest daughter may be called lyrical, while his letters to Turygin are philosophical; his letters to his second wife may be called "epic" as it is narrative that prevails in them. Written when they happened to be apart, these letters contain detailed accounts of Nesterov's everyday

Н. М. НЕСТЕРОВА И Ф. С. БУЛГАКОВ.
1957. ФОТОГРАФИЯ
ОР ГГГ. Публикуется впервые

NATALYA NESTEROVA AND
FYODOR BULGAKOV.
1957. PHOTO
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery, First publication

life, of his social meetings and impressions; they prove that the artist's wife did not only help him run the household – he often asked for her assistance in his work. In one such letter, Nesterov outlined Yekaterina's role in their life together: "you are the wheel in our mechanism (but I am still the mechanism)".

Nesterov's letters to Natalya and Alexei (Alyosha), his children with Yekaterina (in the Tretyakov Gallery Manuscripts Department), echo the impressions the viewer gets from their portraits. Natalya's letters are alive, vibrant and sharp, and that is how she comes across in the portrait "Young Girl by the Pond", painted by her father in 1923. In contrast, Alexei's letters are more measured and contemplative, very much like his image in his father's 1919 study "Portrait of Alyosha Nesterov". The artist was well aware of how different his children's personalities were – in a letter, he called Natalya "Master Natasha" and Alexei – "Miss Alyosha".

As for the future lives of family members:

Irina Shreter (1918-2003), the daughter of Olga Nesterova-Shreter, became a production designer; her work in the cinema included such films as "Girls", "The Garnet Bracelet", "Master of the Taiga", "At Home Amongst Strangers, a Stranger Amongst Friends", and others.

Nesterov's other granddaughters, the children of his middle daughter Vera Nesterova-Titova, became successful scientists. Tatiana Titova (1939-2010), the younger of the two, earned a graduate degree in physics and mathematics and worked at the Institute of Physical Chemistry. The older one, Maria Titova (born 1937) is a Professor of Medicine at the Vishnevsky Institute of Surgery. Maria fulfilled her grandfather's desire that one of his relatives became a medical doctor; to this day she remains the guardian of her grandfather's legacy.

As fate would have it, the second husband of Nesterov's daughter Natalya (1903-2004) was Fyodor Bulgakov (1902-1991), the son of the Russian philosopher Sergei Bulgakov, one of the subjects of Nesterov's painting "The Philosophers".

Alexei (1907-1942), Nesterov's son with his second wife, was a professional horse breeder, an amateur artist and photographer; he also wrote poetry, and one of his poems is included here. Alexei died the same year as his father after a long battle with tuberculosis.

Mikhail Nesterov himself remained in good spirits and continued painting until the end of his life. He was 80 when he died on October 18 1942 in the arms of his wife Yekaterina, who, along with his children and grandchildren, did so much to preserve the artist's legacy.

ФИЛОСОФЫ (ПОРТРЕТ ПАВЛА ▶
АЛЕКСАНДРОВИЧА ФЛОРЕНСКОГО
И СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА
БУЛГАКОВА). 1917
ХОЛСТ, МАСЛО. 123 × 125
ГГГ

THE PHILOSOPHERS (PORTRAIT ▶
OF PAVEL FLORENSKY AND
SERGEI BULGAKOV). 1917
OIL ON CANVAS. 123 × 125 cm
Tretyakov Gallery

Mikhail Nesterov. Correspondence

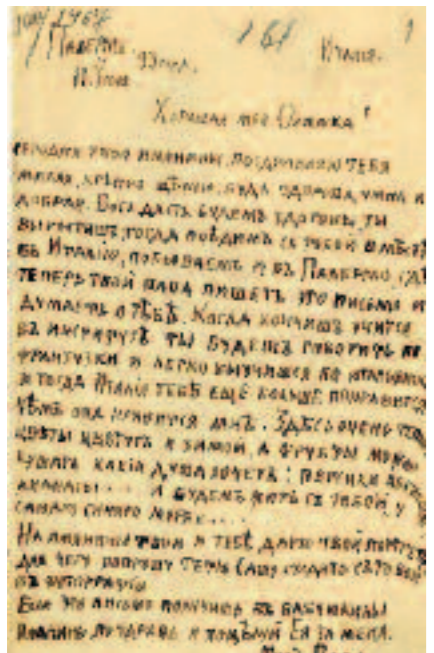

ПИСЬМО М.В. НЕСТЕРОВА К В.И., М.М. И А.В. НЕСТЕРОВЫМ С ЕГО РИСУНКОМ, РАСКРАШЕННЫМ ДОЧЕРЬЮ ОЛЬГОЙ. ПАЛЕРМО, 12-14 ИЮЛЯ 1893 г. ОР ГТГ. Публикуется впервые «КАЖЕТСЯ, ВИД ПАЛЕРМО, НА ЭТОТ РАЗ ВСЕ ЭТЮДЫ СПЕШНЫЕ, ДЛЯ "ДОМАШНЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ"».

MIKHAIL NESTEROV'S LETTER TO VASILY, MARIA AND ALEXANDRA NESTEROV, WITH HIS DRAWING COLOURED BY HIS DAUGHTER OLGA. PALERMO, 12-14 JULY 1893 Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. First publication "SUPPOSEDLY, A VIEW OF PALERMO. THIS TIME ALL SKETCHES ARE MADE OFF-HAND, FOR "DOMESTIC USE:"

ПИСЬМО М.В. НЕСТЕРОВА К О.М. НЕСТЕРОВОЙ С ЕГО РИСУНКОМ, РАСКРАШЕННЫМ ДОЧЕРЬЮ. ПАЛЕРМО, 11 ИЮЛЯ 1893 г. ОР ГТГ. Публикуется впервые

MIKHAIL NESTEROV'S LETTER TO OLGA NESTEROVA WITH HIS DRAWING COLOURED BY HIS DAUGHTER. PALERMO, 11 JULY 1893 Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. First publication

Mikhail Nesterov to Vasily, Maria and Alexandra Nesterov June 18 (30) 1889. Naples

<...> Needless to mention, I will remember this trip well; I have seen a lot of things that would be hard to forget. I believe that it will not fail to influence my advancement as an artist, even if I am unable to paint anything, because I have seen so much, and there is still so much to see; so when I come back to Russia and study hard, it is my hope that the flaws that are so big now will gradually disappear.

There are times when I can see things clearly and thank my lucky star, because despite all kinds of hardship, dalliances and mistakes, I am able to remain grounded and stay afloat, so to speak, while many others have sunk to the bottom; yes, it gets to be hard sometimes, but one can still live. One misses what is gone, but it is a good lesson and a warning for the future... Sometimes, in moments of relative happiness, it gets to be difficult and painful: why is it that the things I can see, enjoy and admire are not accessible to all my loved ones? Why am I given so much, and others have nothing? Is it not too much? In short, sometimes I feel good and hurt at the same time <...>

Tretyakov Gallery Manuscripts Department, F. 100, item 1279, pp. 1-2.

Mikhail Nesterov to Alexandra Nesterova April 8 1890. Abramtsevo

<...> Dear Sasha, I have a favour to ask of you this time around; here it is. Please refrain from using (and even more so from excessively using) words like "famous", "renowned", "brilliant", or any other big words in connection with my name. Please do not think I am being hypocritical – this is something that makes me constantly cringe, and gives me pain. Should this be a joke, then it is an unhealthy and harmful one... <...>

Tretyakov Gallery Manuscripts Department, F. 100, item 57, p. 2 (reverse)

Mikhail Nesterov to Olga Nesterova May 19 1906. Kiev

How are you, my dear Olyushka!

I was expecting that you would send me a message today, while still on the road, but instead I got your telegram from Ufa. Thank you for remembering, and for your congratulations. I did indeed turn 44 today, and in a few days you will be 20!

A lot has happened through the years, some good, some not so good... one cannot live without that... I cannot be like "Demon" and say that "I do not miss the past" – I do miss it, I miss it a lot! One cannot

ПИСЬМО М.В. НЕСТЕРОВА К В.И., М.М. И А.В. НЕСТЕРОВЫМ С ЕГО РИСУНКОМ, РАСКРАШЕННЫМ ДОЧЕРЬЮ ОЛЬГОЙ. КИЕВ, 2 МАРТА 1893 г. ОР ГТГ. Публикуется впервые «ОЛЬГА-КОРОЛЕВНА И ЕЯ СЛУГИ»

MIKHAIL NESTEROV'S LETTER TO VASILY, MARIA AND ALEXANDRA NESTEROV, WITH HIS DRAWING COLOURED BY HIS DAUGHTER OLGA. KIEV, 2 MARCH 1893 Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. First publication "OLGA THE QUEEN AND HER SERVANTS"

ПИСЬМО М.В. НЕСТЕРОВА К В.И., М.М. И А.В. НЕСТЕРОВЫМ С ЕГО РИСУНКОМ, РАСКРАШЕННЫМ ДОЧЕРЬЮ ОЛЬГОЙ. КИЕВ, 27 ФЕВРАЛЯ 1893 г. ОР ГТГ. Публикуется впервые «ОЛЮШКА ДОИТ СВОЮ ТЕЛКУ»

MIKHAIL NESTEROV'S LETTER TO VASILY, MARIA AND ALEXANDRA NESTEROV, WITH HIS DRAWING COLOURED BY HIS DAUGHTER OLGA. KIEV, 27 FEBRUARY 1893 Department of Manuscripts, Tretyakov Gallery. First publication "LITTLE OLYA MILKING HER COW"

bring it back – and it is hard to amend... Especially when one starts feeling that old age is approaching.

It is easier for you – you belong to the future, you will not let your life slip away from you, or spoil it. <...>

Who knows, you and maybe even your entire generation may bear witness of and participate in exceptional events. Those who are smart, active and energetic will become the masters, and the stupid, lazy and idle will find themselves enslaved (history provides us with striking examples.) Interesting, though turbulent times are upon us; much hope, elation and disappointment will visit the Russian people before we work out a better way of life <...>

How is your embroidery coming along? I will not give up hope of receiving a gift from you one day, and I will do so with great pleasure.

Tretyakov Gallery Manuscripts Department, F. 100, item 1419, pp. 1-2 (reverse)

Mikhail Nesterov to Olga Nesterova June 1 1906. Moscow

My dear Olyushka!

Noon today was 20 years since your mother passed away.

I just came back from the Danilov monastery, where we attended the memorial service, tidied up the gravesite, cleaned the monument; and I saw in front of my eyes, like it was happening now, those terrible days of 1886, impossible to forget.

Oh! How excruciating, how hard it was... <...> And, both you and I were equally helpless then.

Did you pray for your mother today?

I went to Petrovsky Park yesterday, walked by the church where we were married; then I walked by the house in Zykov Pereulok, where the poor folk used to live, and still live, and where your mother and I lived before the wedding. The little house is still standing, as is the attic with the single window where I lived.

It all has passed, all gone!

I have "grown up", have become "a famous artist", but am I happy?

You have grown up, you are now "a big girl", and your "life" is in front of you. Try to make it work better, smarter, and happier than I did.

Do not "overthink" it, as I always did, and always regretted later.

There you go, my "big girl"! <...>

I kiss you,

Your Papa.

Tretyakov Gallery Manuscripts Department, F. 100, item 154, pp. 1-2 (reverse)

Mikhail Nesterov to Olga Nesterova-Shreter January 27 1913. Moscow

<...> I think of Lyolya more and more often now – the source of poetry and true artistic inspiration. She has grown old, with a headband over her gray hair, what remains of it – remember how lush her hair used to be? She just sits there now; life goes by, and the fading rays of the former Lyolya are still warming those on whom they fall... <...>

Tretyakov Gallery Manuscripts Department, F. 100, item 1453, pp. 1 (reverse)-2.

Ю.Н. УРУСМАН С ДЕТЬМИ
ОТ М.В. НЕСТЕРОВА, ВЕРОЙ
И МИШЕЙ (1901–1921)
1900-е. ФОТОГРАФИЯ
ОР ГТГ. Публикуется впервые

YULIA URUSMAN WITH MIKHAIL
NESTEROV'S CHILDREN VERA
AND MISHA (1901-1921)
1900s. PHOTO
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery. First publication

Mikhail Nesterov to Irina Shreter
August 25 1938. Koltushi

How are you, my sweet "oldest granddaughter"?
I call tell from your letter <...> that you "toured the Russian Mu-
seum" quite thoroughly. I knew that my works are not displayed well,
that they are hung as "temporarily" as Vrubel's. We will have to see...
You write that "bright colours" are difficult for you to master.
Strive for harmony, not bright colours – harmony will deliver them,
too. Remember this well. <...>
Kisses from your grandfather.

Tretyakov Gallery Manuscripts Department, F. 100, item 1470, pp. 1-1 (reverse)

Mikhail Nesterov to Irina Shreter
July 11 (24) 1939. Moscow.

I received your letter, my dear Irina, thank you. <...> I am glad
that your life is happy, and that you are working. Look at nature as
you would at a beloved beauty, seek in it a thousand hidden delights
that you alone can reach. Do not just throw paints on a canvas; paint
with full awareness. You have a good eye, so use it to the full. Here is
your "lesson". <...>
Your loving grandfather
MN

Tretyakov Gallery Manuscripts Department, F. 100, item 1470, p. 1.

Е.П. И М.В. НЕСТЕРОВЫ В КВАРТИРЕ
НА СИВЦЕВОМ ВРАЖКЕ.
ФОТОГРАФИЯ. МОСКВА, [1938–1939]
ОР ГТГ

YEKATERINA AND MIKHAIL
NESTEROV IN THEIR APARTMENT
ON SIVTSEVVRZAZHEK STREET.
PHOTO. MOSCOW, [1938–1939]
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery

Mikhail Nesterov to Olga Nesterova- Shreter
August 28 1940 [Moscow]

<...> Irina showed me a drawing she made of you; it is very
good, with its soft expression, and I am asking Irina to frame it and
hang it in her room – it will remind me of you in a good, albeit sad way.
<...>

I am sending you a photograph of me on the balcony that Alexei
took. A[lexei] is now enthusiastic and busy with photography <...>

Here is what is going on with the portrait of Mukhina: I have
had a visit from both the Tretyakov Gallery and the Russian Museum.
The gallery is, of course, my first priority, even though they do not
have the money. The Russian Museum can pay, but I will only give
them the portrait if there is no other way. Everyone likes the portrait,
and I also think of it as one of my best. I count four of those, and it is
one of them. <...>

I gave your letter to Vera. She <...> is so good-natured, so caring
towards everyone, a sweetheart.

<...> Kisses from your loving father.

Tretyakov Gallery Manuscripts Department, F. 100, item 1464, pp. 1-1 (reverse).

Mikhail Nesterov to Vera Titova
September 20 1939 [Moscow]

Verushka! My dear friend!
It has been a while since I got a letter from you. I was rewarded
by Ivan's visit, who told me all about your life. There was a lot that I
liked, and a lot that I did not. The latter includes the way you and your
mother are raising my granddaughters. You both "spoil" them with
your love, at your own cost. <...> You should stick to Ivan's "method".
Whenever they throw a fit or become disobedient, you should sup-
press your tenderness towards them and give them a spanking, for
which purpose you have the palms of your hands, and Mashinka [nic-

knife for Maria] has her rear end. Having done that, to redeem yo-
urselves and compensate for the "injury" to the rear end, do not redo-
uble your tender feelings or give them affection or sweets, but endure
their cries and tears, as well as all the usual tricks of the little mischi-
efs. This is how your Mother raised you (she does not have it left in her
for her granddaughters), and it is how it has been done by all those
who do not want to make their children into monsters. <...>

My love and kisses to my granddaughters, whether obedient or
not, and to you.

Your father

From the archives of Maria Titova.

Mikhail Nesterov to Yekaterina Nesterova
July 1939. Moscow

<...> Let me tell you first that, having said good-bye to you at
seven, at nine I started making changes to my "Elegy". I painted the
"lady in white", called for Natalya and asked her if it [the painting] was
better or worse; [she] said it was worse. [I] sent her away, and to be
sure, wiped everything out (and the devil kept whispering in my ear to
scrape the old figure off, scrape it off, but I kept silent). It was after
one. [I] had lunch, took a nap, and began to paint the "lady in black";
it was already after five that Ye.P. called; I was barely able to talk, kept
painting, finished and called my judge, Natalya, and asked her if it was
better now – she said better, but the old one had been better still than
that; [I] sent her away, decided to make the lady in black into a lady in
dark-blue, did that; it was already after nine, [I] quit working, went to
wash the brushes – I could barely walk after having sat for ten hours!!!
<...> By one in the morning the painting was restored, and I fell asleep
like a baby. <...>

Tretyakov Gallery Manuscripts Department, F. 100, item 1834, pp. 1-1 (reverse).

Mikhail Nesterov to Alexander Turygin
June 2 1922. Moscow

<...> I have become an artist, I have lived a long and interesting
life, I have seen my children grow up, I have granddaughters – and
now, the time is not far off when I will have to cross the final line and
behold the greatest, the ultimate, the final, but am I ready for it? I am
not, and I am afraid I won't be till the last minute. And it is bad – I will
have to go through it hastily, without reflection. Meanwhile, we all
know how our saints, and not just saints, but our "unsaintly" ance-
stors as well were able to meet that hour. Thoughts of my paintings
and the vanities of life have distracted me constantly and for a long
time now; they captivate me to the point of forgetfulness – it has been
like that all my life, and it will be till my final hour <...>

ЕЛЕНА АДРИАНОВНА (ЛЕЛЯ)
ПРАХОВА. КОНЕЦ 1880-х
КИЕВ. ФОТОГРАФИЯ
ОР ГТГ

YELENA ADRIANOVNA (LYOLYA)
PRAKHOVA. LATE 1880s
KIEV. PHOTO
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery

О.М. НЕСТЕРОВА-ШРЕТЕР ЗА
РАБОТОЙ. ФОТОГРАФИЯ
ОР ГТГ. Публикуется впервые

OLGA NESTEROVA-SHRETER
AT WORK. PHOTO
Department of Manuscripts,
Tretyakov Gallery. First publication